

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

Письмо к редактору «Вестника Европы»

«С радостью прочитал я в 46-й книжке «Сына отечества» под статью: «Российский театр» известие о блистательном появлении русской «Федры» на петербургской сцене, с замечаниями г. сочинителя об игре актеров и о самом переводе. Давно носился слух, что г. Лобанов им занимается; давно уже любители словесности нетерпеливо ожидали окончания труда его, а прекрасный перевод «Ифигении в Авлиде» увеличивал сие нетерпение...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
Письмо к редактору
«Вестника Европы»

С радостью прочитал я в 46-й книжке «Сына Отечества» под статью: «Российский театр» известие о блистательном появлении русской «Федры» на петербургской сцене, с замечаниями г. сочинителя об игре актеров и о самом переводе. Давно носился слух, что г. Лобанов им занимается; давно уже любители словесности нетерпеливо ожидали окончания труда его, а прекрасный перевод «Ифигении в Авлиде»[1] увеличивал сие нетерпение. Из отрывков, помещенных в «Сыне отечества», должно заключить, что перевод «Федры» в целом – прекрасен; но позвольте мне, милостивый государь, предложить мои замечания, посредством вашего журнала, на некоторые стихи, единственно в том отношении, что они выставлены сочинителем «Разбора» за лучшие, даже за превосходящие оригинал. В первом действии (явление третье) Федра, открыв ужасную тайну Еноне, говорит:

*Взглянув на юношу, бледнела я,
пылала;
Вдруг сердце замерло, вдруг грудь
затрепетала;
В глазах простерся мрак, язык*

*мой онемел;
Я вся, весь мой состав и дрогнул и
горел.*

..
Я крылась от него.[2]

Первый стих не имеет определенности стиха Расинова: *я его увидела; я краснела, я бледнела от его взгляда*; притом непременно должно было сказать *краснела*; пылать здесь еще не место. У Расина везде соблюдены постепенность и приличие; да и *пылала* – совсем не одно и то же, что *краснела*. Вместо стиха Расинова: *смятение возстало в изумленной душе моей*, переводчик говорит: *вдруг сердце замерло, вдруг грудь затрепетала*; но стих сей слишком сильное показывает действие, а потому, мне кажется, погрешает против быстрого, но постепенного действия любви, везде прекрасно выдержанного у Расина; еще ж и стих не гладок: верно, не для подражательной гармонии составлено последнее полустишие. После слов: *я вся* не нужно говорить: *весь мой состав*, ибо в слове *вся*, верно, заключается и состав Федры. *И дрогнул и горел* – дрогнуть не всегда значит хладеть; на-

пример: *дрогнули сердца в Новгороде* и пр. *Якрылась от него...* Скрывалась, убегала, кажется, было бы лучше.

Федра, увлекаясь страстию (действие второе, явление пятое), говорит Ипполиту:

*Но нет, не умер он; он жив в тебе – и вдруг:
Мне кажется, в тебе – вновь дышит мой супруг.[3]*

В обоих стихах повторяется одна и та же мысль, и оба стиха нехороши. *Вдруг* вовсе лишнее; близкое повторение слова *в тебе* портит стихи, а не усиливает. Сказавши: *он жив в тебе*, не странно ли говорить: *мне кажется, в тебе вновь дышит* и пр. Как искусно у Расина развертывается одна мысль из другой: *что я сказала? он не умер; он жив в тебе: мне мнится всегда, что я вижу пред собою моего супруга.*

Ипполит

Я вижу, мой отец, сей доблестный герой, и пр.[4]

Последнее ненужное полустигиие есть

вставка переводчика, который пропустил стих Расина: *я вижу чудесное действие любви твоей*. Пропуск, по моему мнению, весьма важный, ибо как мог Ипполит не изъяснить своего внимания к столь живому мечтанию Федры? Не дать ему благовидных причин в собственных глазах ее?

Федра

*Смой стыд чудовища ужаснейше-
го кровью.*

Расстановка слов в этом стихе неудачна; *смой стыд...* неприятное стечение звуков, да и мысли сей у Расина нет.

*Вдова Тезеева горит к тебе любо-
вью!
Нет, нет, чудовища не должен
ты щадить;
Вот сердце! меч в него ты должен
свой вонзить.
Да страшное скорей бесчестие со-
третя;
Я чувствую, оно само на меч твой
рвется.*

..

Отдай ты мне свой меч.[5]

Вообще сей монолог не так хорошо переведен. В стихе: *я чувствую, оно само на меч твой рвется* – оно должно отнести к *бесчестию*, не говоря о словоударении *само*. Последнее полустигмие весьма неприлично растянута; оно отнимает всю силу и необходимую краткость Расинова: *donne...* Он с намерением оканчивает монолог Федры одним словом: только одно слово можно произнести при мгновенном исполнении ее намерения.

Теперь следуют стихи, в которых г. сочинитель «Разбора» находит, что переводчик превзошел Расина. Вот они:

В третьем действии (явление второе) Федра, увидя входящую Енону, говорит:

Я вижу, ты мне смерть, несчастная, несешь.

Господин сочинитель статьи о «Федре» говорит в примечании: «Скажем мимоходом, что здесь переводчик наш превзошел Расина. Стих его гораздо живее, гораздо вернее выражает отчаяние Федры, нежели, стих Расинов:

«Oenone, on me deteste; on ne t'ecoute pas» (стр. 247).

Мое мнение совершенно тому противно: русский стих хорош, и я был бы им доволен, если б не знал стиха Расинова, который гораздо живее, вернее выражает положение Федры и может назваться одним из превосходнейших. Федра, обольщаемая слабым лучом надежды, что Ипполит внимал с холодностию ее признанию от изумления, от совершенного незнания любви, посылает Енону говорить с ним; приказывает ей или воспламенить его честолюбие, или смягчить его сердце отчаянием умирающей от любви к нему Федры; вся судьба ее зависит от сих переговоров... Енона возвращается с необыкновенною поспешностию. Что натуральнее, приличнее может быть сей мысли, мастерски в отрывистых фразах Расином выраженной: *Енона! меня ненавидят; тебя не хотели выслушать?*

Терамен

*В каких же ты странах надеешься
найти
Тезея жаркий след иль темные пу-*

ти?[6]

(Действие первое, явление десятое.)

В последнем стихе г. сочинитель «Разбора» находит более поэзии, нежели у Расина; но к чему особенная поэзия, чтоб сказать такую обыкновенную мысль: *где ты надеешься найти следы Тезея?* – *Жаркие следы* не говорится, а *горячие следы*, но и сие употребляется в низком смысле. *Темные пути* истинно темны. Мне кажется, сей эпитет неприличен.

Федра

*Енона! от стыда лицо мое пылает:
Ты зришь постыдную болезнь души моей,
И слезы катятся неволью из очей.[7]*

(Действие первое, явление третье.)

Г. сочинитель говорит: «Эти стихи и поэзией и свободю стихосложения превосходят стихи подлинника» (стр. 257). Я был бы согла-

сен с ним, если б стыда и постыдную не стояли так близко один от другого. Ты зришь и пр. слишком определенно сказано; у Расина Федра говорит: я даю тебе видеть и пр.

Федра

*Вновь вспыхнула во мне свирепая
любовь.*

Уже не тайною я страстию томилась:

*Киприда вся в меня, как Фурия,
вселилась.[8]*

(Там же.)

Едва ли кто-нибудь согласится признать эти стихи лучшими французских, хотя Киприда и названа в них Фурией. – Следующие же стихи, названные не уступающими подлиннику, в которых (как сказано в «Сыне отечества» на стр. 58) переводчик идет рядом с Расином, весьма далеко отстоят от него:

Как скучен сей наряд, как тягостны покровы.

Чья дерзкая рука власы мои сплела

*И на челе моем так пышно собралась?
Все ненавистно мне, все грустно и постыло.[9]*

Вместо дерзкая должно сказать докучная, как заметил и г. сочинитель «Разбора»; слово *пышно* совсем лишнее; наконец, где мысль и мастерское падение звуков последнего стиха: *tout m'afflige et me nuit et conspire a me nuire?*

*Зачем я не в тени развесистых
древес!
Когда сквозь пыльный вихрь узрю
коней с возницей
И взором понесусь за быстрой ко-
лесницей?..[10]*

Сии стихи также гораздо хуже французских. *Пыльный вихрь* то ли, что *noble roussiere?* *Узрю коней с возницей* – принадлежит переводчику и совсем лишнее. Перенесены ли на русский язык красоты превосходного стиха: *Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carriere?* Слово: *fuyant*, сказанное искусною актрисою, заставляло некогда забывшихся зрителей искать взорами исчезающей в отдалении колесницы; русский стих не позволит

русской актрисе произвести такого действия.

*Какого ждешь плода за все твое
стенанье?*

*Вздрогнешь от ужаса, коль я пре-
рву молчанье.[11]*

Стенанье? Расин говорит: *violence?* усилие, чтоб проникнуть тайну Федры? тогда мысль правильна; но какого ждать плода за стенанье? Теперь обращусь назад к известному и прославленному рассказу Терамена (о котором напечатано в «Сыне отечества»: «В некоторых местах, а особливо в рассказе Терамена, он (переводчик) даже побеждал непобедимого», стр. 57), и осмелюсь признаться, что подражательная гармония русского перевода мне кажется неудачною и что от г. Лобанова должно было ожидать лучшего. Я говорю только об отрывке, напечатанном в «Сыне отечества».

*Неукротимый вол, неистовый
дракон,
Вращая ошибом, крутился, пря-
дал он.*

∴
Земля содрогнулась, тлетворен

*воздух стал;
Его извергший вал со страхом от-
бежал![12]*

Второй стих несравненно хуже знаменитого стиха Расинова: Sa groupe se recourbe en reptis tortueux, и не то значит. Последний стих мог бы назваться превосходным, если б, к сожалению, не рифмовала цензура. Отец нашего театра, А. П. Сумароков, почти так же перевел сей стих, если я не ошибаюсь:

*И вал, что нес его, со страхом
убежал.*

Теперь следует продолжение перевода г. Лобанова; пропустя несколько стихов:

*Рванулись на скалы, оцепенел воз-
ница;
Ось с скрипом хряснула. С утеса
колесница,
Сорвавшись, рухнула, рассыпала-
ся в прах...[13]*

Оцепенел возница? Мысли сей у Расина не бывало. Она совершенно не в характере Ипполита. Расин не только не называет его трусом, напротив – говорит: L'intrepide Hippolyte

etc. *Ось с скрипом хряснула...* Подражательная гармония есть; но *хряснула* самое низкое слово. *С утеса колесница, сорвавшись, рухнула* – обстоятельство, прибавленное г. переводчиком. *Рухнула*, мне кажется, неприлично сказать о колеснице. *Рухнула башня, стена* – дело другое. Слово сие у нас еще не облагорожено употреблением его в высоких родах сочинений; впрочем, это не мешает ему со временем занять в них свое место. – Теперь обращаюсь с вопросом к беспристрастным читателям: можно ли торжествовать мнимые победы русского Тераменова рассказа? – Прочие отрывки из «Федры», напечатанные в «Сыне отечества», истинно прекрасны; но как нарочно слабейшие из них названы превосходнейшими.

Делая сии замечания, я имел особенную целию, как упомянул и прежде, доказать неосновательность суждений г. сочинителя статьи «Российский театр»; тем более, что достоинство оригинала и перевода требовали большего внимания; статья же сия написана, по моему мнению, слишком на скорую руку,

хотя и названа г. издателем «Сына отечества» в Современной библиографии той же книжки «Подробным разбором». Может быть, многие назовут мои замечания пустыми привязками, а особливо почитатели (часто, или, лучше всегда, пристрастные) г. Лобанова; может быть, назовут меня завистливым, мелочным Зоилом – но я беру дело на апелляцию к самому г. переводчику. Мне кажется, он будет ко мне справедливее других; он должен быть таким: ибо только отличные произведения достойны истинной, строгой критики, и если бы я менее уважал прелестный талант его, то никогда не написал бы сих замечаний.

1824 года, января 3-го дня.
Село Надежино.

Примечания

«Ифигения в Авлиде» – трагедия Расина, пер.
М. Лобанова.

[^^^]

2

Je le vis, je rougis, je palis a sa vue; // Un trouble
s'eleva dans mon ame eperdue; // Mes yeux ne
voyaient plus, je ne pouvais parler; // Je sentis
tout mon corps et transir et bruler. // . . // Je
l'evitais partout.

[^^^]

3

Que dis-je? Il ne point mort, puisqu'il respire en vous. // Toujours devant mes yeux je crois voir mon epoux.

[^^^]

4

Je vois de votre amour l'effet prodigieux...

[^^^]

5

Delivre l'univers d'un monstre qui t'irrite. // La
veuve de Thesee ose aimer Hippolyte! // Crois
moi, ce monstre affreux ne doit point t'echapper.
// Voila mon coeur, c'est la que ta main doit
frapper. // Impatient deja d'expiier son offense. //
Au-devant de ton bras je le sens qui s'avanse. // . .
// Donne...

[^^^]

6

Sur quel espoir nouveau, dans quels heureux climats // Croyez-vous decouvrir la trace de ses pas?

[^^^]

Oenone, la rougeur me couvre le visage, // Je le
laisse trop voir les honteuses douleurs // Et mes
yeux malgré moi se remplissent de pleurs.

[^^^]

8

Ma blessure trop vive aussitot a saigne // Ce n'est
plus une ardeur dans mes veines cachees: // C'est
Venus tout entiere a sa proie attachee.

[^^^]

Que ces vains ornements, que ces voiles me pesent! // Quelle importune main, en formant tous ces noeuds, // A pris soin sur mon front d'assembler mes cheveux? // Tout m'afflige et me nuit et conspire a me nulre.

[^^^]

10

Dieux, que ne suis-je assise a l'ombre de forets!
// Quand pourrai-je au travers d'une noble
poussiere, // Suivre de l'oeil un char fuyant dans
la carriere?

[^^^]

11

Quelle fruit esperes tu de tant de violence? // Tu fremiras d'horreur si je romps le silence.

[^^^]

12

Indomptable taureau, dragon impetueux, // Sa
croupe se recourbe en replis tortueux; // . . // La
terre s'en emeut, l'air en est infecte; // Le flot qui
l'apporta recule epouvante.

[^^^]

13

A travers les rochers la peur les precipite, //
L'essieu crit et se rompt: l'entrepide Hippolyte, //
Voit voler en eclats tout son char fracasse.

[^^^]